

ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА.

За основу взят текст: [Электронная библиотека Яблучанского](http://az.lib.ru/).

Доп. правка: <http://az.lib.ru/>

Книга первая

I

"Вещи и дела, еще не написанные бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанные же яко одушевленные..."

Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе.

У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали. Когда я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, - тем более, что я ещё совсем не ощущаю его бремени, - и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть. А родился я и живи на необитаемом острове, я бы даже и о самом существовании смерти не подозревал. "Вот было бы счастье!" - хочется прибавить мне. Но кто знает? Может быть, великое несчастье. Да и правда ли, что не подозревал бы? Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?

О роде Арсеньевых, о его происхождении мне почти ничего не известно. Что мы вообще знаем! Я знаю только то, что в Гербовнике род наш отнесен к тем, "происхождение коих теряется во мраке времён". Знаю, что род наш "знатный, хотя и захудалый", и что я всю жизнь чувствовал эту знатность, гордясь и радуясь, что я не из тех, у кого нет ни рода, ни племени. В Духов день призывает церковь за литургией "сотворить память всем от века умершим". Она возносит в этот день прекрасную и полную глубокого смысла молитву:

- Все рабы твоя, боже, упокой во дворах твоих и в недрах Авраама, - от Адама даже до днесь послужившая тебе чисто отцы наши, други и сродники!

Разве случайно сказано здесь о служении? И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие "с отцы и братии наши, друга и сродники", некогда совершавшими это служение? Исповедовали наши древнейшие пращуры учение "о чистом, непрерывном пути отца всякой жизни", переходящего от смертных родителей к смертным чадам их - жизнью бессмертной, "непрерывной", веру в то, что это волей Агни заповедано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не был "осквернен", то есть прерван этот "путь", и что с каждым рождением должна все более очищаться кровь рождающихся и возрастать их родство, близость с ним, единым отцом всего сущего.

Среди моих предков было, верно, немало и дурных. Но всё же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства. И как передать те чувства, с которыми я смотрю порой на наш родовой герб? Рыцарские доспехи, латы и шлем с страусовыми перьями. Под ними щит. И на лазурном поле его, в середине - перстень, эмблема верности и вечности, к которому сходятся сверху и снизу своими остриями три рапиры с крестами-рукоятками.

В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь загложивших, бледных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда - и недаром - царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий господний глашатай, зовущий к небесному Граду.

II

Самое первое воспоминание моё есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я помню большую, освещённую предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видимым в окно, на юг... Только и всего, только одно мгновение! Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло моё сознание столь ярко, что уже явилась